

Ша Лунби

Мой побег
от одержимого
Мирана

Ша Лунби

Мой побег от одержимого Тирана

«Автор»

2026

Лунби Ш.

Мой побег от одержимого Тирана / Ш. Лунби — «Автор», 2026

Я переродилась в теле О Даын — злодейки из популярной новеллы. Моя судьба быть обезглавленной в первой же главе по приказу жестокого Императора. План был прост: избежать плахи и тихо сбежать в глухую деревню, чтобы варить крема и лечебные мази, используя знания из прошлой жизни. Но всё пошло не так, как я планировала. В ночь перед казнью я случайно сняла проклятую хроническую боль Императора, сводившую его с ума годами. Я сбежала, думая, что теперь, наконец-то, свободна. Но я не знала, что этот безжалостный тиран перевернет всю Империю, чтобы найти меня, и когда он это сделает... больше никогда меня не отпустит.— Ты думала, что сможешь просто исчезнуть, Даын? — его горячий шепот обжег мою шею, пока крепкие руки прижимали к стене. — Моя боль ушла, но теперь я болен тобой. И от этого лекарства нет.

© Лунби Ш., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	10
Глава 3	13
Г	15
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Ша Лунби

Мой побег от одержимого Тирана

Глава 1

Пронизывающий, липкий холод, забирался под кожу и оседал в самых костях.

Это было первым, что я почувствовала, когда сознание медленно вернулось ко мне. Запах тоже был невыносимым: смесь прелой соломы, ржавчины и сырой земли. Совсем не похоже на аромат лаванды и гиалуроновой сыворотки, который всегда витал в моей лаборатории в Сеуле.

Я попыталась открыть глаза, но веки казались слишком тяжелыми. Голова ужасно болела.

— Эй, девчонка проснулась, — раздался неподалеку грубый, хриплый голос. Мужской и незнакомый. В нем скользило откровенное злорадство. — Валялась как мертвая со вчерашнего дня, уже начал думать, сама околет до рассвета, и палачу работы не останется.

— Не каркай, — отозвался второй голос, ленивый и тягучий. — Если эта гадюка сдохнет не на эшафоте, Император с нас с тобой шкуру живьем сдерет, ему нужна публичная казнь. Завтра на рассвете ее голова украсит пику на столичной площади.

Казнь? Палач? Император?

Мое сердце пропустило удар, а затем забилося как сумасшедшее. Я резко распахнула глаза и рывком села, тут же пожалев об этом — мир перед глазами закружился в безумной карусели, а желудок скрутило от тошноты.

Я сидела на грязной соломе в тесной, каменной камере, отгороженной от коридора массивной решеткой из темного металла. Единственным источником света был чадающий факел на стене снаружи, отбрасывающий пляшущие, уродливые тени. На мне было платье — когда-то, возможно, роскошное, из тончайшего лилового шелка, но теперь изорванное, грязное, с пятнами засохшей крови на подоле.

Я поднесла руки к лицу, но увидела, что это не мои руки.

У меня, ведущего разработчика уходовой косметики корпорации «К-Бьюти», руки всегда были коротко острижены, кожа пахла антисептиком, а на указательном пальце красовалась вечная мозоль от пипетки, но эти же руки были изящными, с длинными, тонкими пальцами аристократки, увенчанными некогда идеальным, но теперь обломанным маникюром. Кожа — белая, как драгоценный фарфор династии Мин.

И тут меня накрыло.

Чужие воспоминания хлынули в мой разум ледяным водопадом, сметая все на своем пути. Я закричала, схватившись за голову, и упала обратно на солому, скорчившись от невыносимой боли.

О Даын.

Ее звали О Даын. Единственная дочь Гук-Гона (герцога) О, самая прекрасная роза Империи, и эталонная, безжалостная злодейка, чье имя заставляло прислугу дрожать от ужаса.

Она травила наложниц, избивала служанок плетью за неровно налитый чай, плела интриги против Наследного Принца и, что самое главное, она осмелилась поднять руку на «Оригинальную Героиню» — святую деву Юри, свет очей нынешнего Императора. За это Даын поплатилась всем: статусом, семьей, которая от нее отреклась, и, в конечном итоге, жизнью.

«Твоя черная душа не стоит даже той грязи, по которой ты ходишь, Даын», — прозвучал в моей голове холодный, безжалостный голос, сопровождаемый воспоминанием о ледяных глазах цвета расплавленного золота. Глазах Императора Со Инхёка.

«Твоя черная душа не стоит даже той грязи, по которой ты ходишь, Даын», — прозвучал в моей голове холодный, безжалостный голос, сопровождаемый воспоминанием о ледяных глазах цвета расплавленного золота. Глазах Императора Со Инхёка.

Я едва не задохнулась, дыхание со свистом вырывалось из груди.

Боже мой, я умерла. Я, успешная тридцатилетняя женщина, умерла в своей лаборатории в Сеуле от банального переутомления, уснув за столом с новыми образцами пептидного крема. А очнулась здесь, в теле злодейки из того самого бульварного фэнтези-романа «Слезы Серебряного Дракона», который читала на телефоне в метро, чтобы разгрузить мозги!

И я очнулась ровно за сутки до того, как мне отрубят голову.

— Нет, нет, нет — зашептала я, обхватив плечи руками, мой голос звучал мелодично, но сейчас он дрожал от неприкрытого ужаса.

Я не хочу снова умирать, только не на гильотине, под улюлюканье толпы. Я всегда была прагматиком, любила жизнь, комфорт, хорошую еду и свою работу. Я не собиралась расплачиваться за грехи избалованной аристократки, в чье тело меня забросила насмешница-судьба.

«Думай, Даын, думай!» — приказала я себе, заставляя панику отступить.

Мой мозг фармацевта-косметолога, привыкший раскладывать сложные химические формулы на составляющие, начал анализировать ситуацию. Охрана снаружи, решетка прочная, магии разрушения у меня нет — Даын обладала лишь специфической, редкой поддерживающей аурой, которую никогда не развивала, считая магию уделом простолюдинов и наемников.

Вдруг где-то в конце длинного каменного коридора лязгнула тяжелая железная дверь.

Этот звук эхом прокатился по подземелью, заставив стражников, которые мгновение назад спорили, вытянуться по стойке смирно. Лязг их алебард о каменный пол едва не оглушил меня.

Температура в подземелье, казалось, понизилась на десяток градусов. Воздух стал плотным, тяжелым, пропитанным подавляющей, удушливой аурой, от которой инстинктивно хотелось вжаться в грязь и не отсвечивать.

Я услышала медленные, размеренные, хищные шаги, так ступает тигр, неспешно обходящий загнанную в угол лань.

— С-солнце Империи! — заикаясь, выкрикнул один из стражников, раздался звук падающих на колени тел. — Ваше Императорское Величество, мы не ждали

— Пошли вон, — голос был тихим, но от него вибрировали каменные стены, в этом голосе не было ярости, лишь абсолютная, ледяная власть и скрытая усталость.

— Но, Ваше Величество, преступница

— Я сказал, вон, или ваши головы скатятся с плахи раньше, чем ее.

Топот убегающих стражников стих где-то в отдалении и наступила тишина. Я сидела на соломе, не в силах пошевелиться, вцепившись побелевшими пальцами в грязный подол шелкового платья.

К решетке моей камеры подошла высокая фигура.

В тусклом свете факела он казался воплощением самого ночного кошмара. Император Со Инхёк, безумный Тиран, заливший кровью свой путь к трону.

Его фигура была затянута в темный шелк, расшитый серебряными нитями, складывающимися в узор извивающихся драконов. Широкие плечи, узкая талия, идеальная, хищная осанка. Длинные волосы, цвета чистого, нетронутого серебра, водопадом струились по его спине, слегка растрепанные, словно он не спал несколько ночей.

Но самым пугающим было его лицо. Лицо падшего божества. Идеально очерченные скулы, прямой аристократический нос и глаза. Глаза цвета расплавленного золота, с узким, звериным зрачком, и сейчас в них клубилась тьма. Под этими невероятными глазами легли глубокие, фиолетовые тени — свидетельство его проклятия.

По сюжету романа, Инхёк был проклят ведьмой из свергнутой династии. Проклятие Тьмы пожирало его изнутри, вызывая чудовищные, изматывающие мигрени, от которых не было спасения, и полностью лишало сна. Годами мужчина балансировал на грани безумия, спасаясь лишь тем, что заглушал свою боль жестокостью.

— Ты ведешь себя необычайно тихо сегодня, Даын, — произнес он, останавливаясь у самых прутьев решетки, его губы искривились в издевательской ухмылке. — Не кричишь, не проклинаешь меня, не умоляешь пощадить твою никчемную жизнь ради заслуг твоего предателя-отца... Почему ты не делаешь этого? Почему не молишь о пощаде?

Я молчала, судорожно сглотив. Смотреть прямо в глаза монарху в этом мире считалось дерзостью, караемой смертью, поэтому опустила взгляд на носки его дорогих сапог, вышитых золотом.

— Я смирилась со своей судьбой, Ваше Величество, — тихо ответила я, стараясь, чтобы голос не дрожал, мой современный прагматизм подсказывал: не провоцируй психопата с абсолютной властью.

Инхёк тихо, хрипло рассмеялся, но этот смех был лишен веселья.

— Смирилась? О Даын, которая клялась вырвать сердце Юри голыми руками, смирилась? — мужчина шагнул ближе, его аура давила так, что мне стало тяжело дышать. — Как скучно. Я пришел сюда, в эту грязь, чтобы насладиться твоими слезами в твою последнюю ночь.

Император поднял руку, унизанную массивными перстнями, и его пальцы сомкнулись на железных прутьях, но тут кое-что произошло.

Инхёк внезапно пошатнулся.

Дыхание мужчины сбилось, превратившись в рваный хрип, ухмылка исчезла, уступив место гримасе невыносимой агонии. Он крепче вцепился в решетку, из его горла вырвался низкий, звериный рык.

Проклятие.

Я видела, как черная, похожая на чернила дымка — миазмы темной магии, начала сочиться от его висков и шеи. Вены на лбу мужчины вздулись, пульсируя. Он опустился на одно колено, опираясь о решетку, второй рукой мужчина судорожно сжимал собственные волосы, будто пытался вырвать причину боли прямо из черепа.

В романе описывалось, что когда у Императора случался приступ, он мог в слепой ярости убить любого, кто находился рядом, его сила выходила из-под контроля. И прямо сейчас каменная кладка вокруг решетки начала покрываться сетью мелких трещин от давления его маны.

Если он сойдет с ума здесь, разрушит тюрьму и меня погребет под обломками прямо сейчас. До рассвета я не доживу.

Мой инстинкт самосохранения вопил об опасности. Я вскочила на ноги. Страх не было, его вытеснил холодный, профессиональный расчет. В прошлой жизни я не раз приводила в чувство клиенток с тяжелейшими мигренями и паническими атаками в своем кресле. Человеческое тело — это механизм, сложный, но подчиняющийся правилам анатомии.

Я бросилась к решетке. Инхёк был так близко, его лоб прислонился к холодному металлу. Мужчина тяжело дышал, золотые глаза были полузакрыты, зрачки расширены от боли.

— Не... подходи... — прохрипел он, когда почувствовал мое движение, черная аура вокруг него хлестала, как щупальца, предупреждая об опасности.

— Ваше Величество, если вы умрете от боли в моей камере, мне припишут еще и царевубийство, а мне хватает и моих грехов, — произнесла я.

Я просунула руки сквозь прутья решетки. Мои пальцы, бледные и дрожащие, но твердые в своем намерении, коснулись его шеи.

Инхёк дернулся, словно от удара хлыстом, готовый отшвырнуть меня всплеском маны, но я действовала быстрее.

Точки Фэн-чи. Два углубления у основания черепа, где сходятся мышцы шеи. Место, где скапливается напряжение.

Я надавила большими пальцами на эти точки с силой, выверенной годами практики, и одновременно с этим, повинаясь какому-то новому, первобытному инстинкту этого тела, я потянулась к своему внутреннему резерву. О Даын обладала слабой, но очень чистой маной светлого спектра. Я представила, как эта мана — прохладная, мягкая, как успокаивающий экстракт центеллы азиатской, перетекает через мои подушечки пальцев прямо под его кожу.

— Что ты... делаешь, дрянь... — выдохнул мужчина, попытавшись отстраниться. Но боль была слишком сильной.

— Дышите, Ваше Величество. Просто дышите. Медленно. Вдох... — мой голос звучал спокойно, гипнотически. Я начала массировать точки круговыми движениями, одновременно вливая в него свою прохладную ману. — Выдох...

Контраст был поразительным. Черная, агрессивная мана проклятия, сталкиваясь с моей энергией, начала шипеть, как капля воды на раскаленной сковородке, но моя мана не атаковала, наоборот, она обволакивала, успокаивала, нейтрализовывала яд в его энергетических каналах, как идеальный антиоксидант нейтрализует свободные радикалы.

Мышцы Инхёка под моими пальцами были твердыми, как гранит, сведенными судорогой боли, но секунда за секундой, под монотонным ритмом моей акупрессуры и потоком энергии, я чувствовала, как они начинают расслабляться.

Я переместила пальцы на виски — точки Тай-ян и слегка надавила, продолжая вливать ману. Мои руки устали, лоб покрылся испариной от непривычного расхода магической энергии, но я не останавливалась.

Дыхание Императора начало выравниваться, жуткая черная дымка вокруг него рассеялась.

Внезапно его золотые глаза широко распахнулись и встретились с моими, в них больше не было безумия боли, теперь в них был шок. Глубокое, абсолютно неверящее потрясение. За десять лет ни один лекарь, ни один архимаг Империи, ни даже хваленая святая сила Юри не могли снять этот приступ так быстро. Они могли лишь слегка приглушить его зельями.

Я убрала руки, мои пальцы дрожали от напряжения.

Инхёк медленно моргнул, золотые радужки затуманились. Физическое истощение от десятилетия бессонницы, наконец-то прорвавшееся сквозь стену боли, обрушилось на него колоссальной волной.

Ресницы дрогнули и он осел на пол прямо там, у решетки моей камеры, прислонившись к каменной стене. Его голова откинулась назад, и грудь мерно, глубоко задвигалась.

Он уснул. Самый могущественный и страшный человек Империи спал на грязном полу в подzemелье, глубоким, спокойным сном, без единого стога.

Я отошла от решетки, тяжело дыша и посмотрела на свои руки, все еще помнящие жесткость его серебряных волос.

Я сняла его боль.

По сюжету книги, Оригинальная Героиня Юри смогла сделать это лишь в самом финале, используя древний артефакт, а я просто сделала ему массаж от мигрени с капелькой своей маны.

Я посмотрела на спящего тирана, а затем перевела взгляд на темный коридор подземелья, откуда сбежала стража.

Мой взгляд скользнул к карману изорванного платья. Там, в потайном шве, Даын прятала свое последнее сокровище — кольцо с крупным, чистейшим рубином, которое не нашли при обыске.

План "А" предполагал послушно сложить голову на плаху. План "Б" сформировался в моей голове прямо сейчас, заставляя кровь бурлить от адреналина.

Инхёк будет спать долго. Стража боится сюда зайти. У меня есть рубин, который может купить молчание любого тюремщика на выходе, если я смогу выбраться из этого крыла.

Я не собиралась умирать. Я собиралась варить крема и жить в роскоши, и для этого мне нужно было исчезнуть.

— Приятных снов, Ваше Величество, — одними губами прошептала я, подбирая подол грязного платья. — И прощайте.

Глава 2

Тишина в подземелье была оглушающей. После того как стих звон алебард сбежавшей стражи и рассеялся треск темной маны, единственным звуком, который я слышала, осталось мерное, глубокое дыхание спящего Императора.

Я стояла по ту сторону решетки, боясь сделать лишний вдох.

Со Инхёк сидел на холодном каменном полу, прижавшись спиной к неровной стене. Голова Императора была запрокинута, открывая беззащитную линию шеи, на которой еще пару минут назад пульсировали черные от ядовитой маны вены. Сейчас же лицо мужчины, лишенное гримасы садистского удовольствия или невыносимой боли, казалось пугающе молодым. Серебристые волосы разметались по плечам, контрастируя с темным шелком его одеяний. Он был похож на умиротворенное божество разрушения, которое решило взять передышку.

«Нельзя терять ни секунды», — приказала я себе.

Я подошла к решетке вплотную и осмотрела замок. Тяжелый, навесной, из черного железа. Ключей у меня, разумеется, не было. Но когда Инхёка накрыл приступ, давление его вышедшей из-под контроля темной энергии ударило по камере и каменная кладка, в которую были вмурованы петли решетки, пошла трещинами. Металл погнулся под гнетом чудовищной мощи.

Я уперлась ладонями в железные прутья и толкнула. Решетка со скрежетом, от которого у меня внутри всё сжалось от ужаса, подалась на пару цуней. Я замерла, вперив взгляд в лицо Императора.

Его брови едва заметно дрогнули, но он не проснулся. Десять лет без нормального сна — его организм сейчас был подобен высохшей губке, дорвавшейся до воды. Он провалился в такое глубокое забытие, что, казалось, его не разбудил бы даже набат.

Сцепив зубы, я навалилась на погнутую дверцу всем весом. Камни с тихим шорохом осыпались на пол, петля выгнулась, и образовалась щель, достаточная, чтобы в нее мог протиснуться человек. Изодрав в кровь плечо о ржавый металл и порвав и без того испорченный шелк платья, я выскользнула из своей клетки.

Я оказалась в одном коридоре с тираном. Мне пришлось переступить через его вытянутые ноги, обутые в дорогие сапоги. В этот момент мое сердце бешено колотилось в груди. Если мужчина сейчас откроет свои золотые глаза меня казнят прямо здесь, без суда и следствия.

Но я благополучно миновала его. Стараясь ступать как можно тише, я пошла по темному коридору в ту сторону, куда убежала стража.

Подземелья Императорского дворца были подобны лабиринту Минотавра. Сырые стены, поросшие мхом, тусклый свет факелов, пропитанных вонючим смоляным маслом. Воздух здесь был спертый, тяжелым от скопившейся энергии отчаяния. Я шла, прижимаясь к стенам, вздрагивая от писка крыс и капающей с потолка воды.

Впереди показался свет и послышались приглушенные голоса.

Я затаилась за поворотом, осторожно выглядывая из-за угла. В просторном помещении с каменным столом находились трое. Двое стражников, что дежурили у моей камеры, тряслись от страха, что-то сбивчиво объясняя тучному мужчине в доспехах начальника тюрьмы.

— мы ничего не могли сделать, господин начальник! — говорил один из стражей, заламывая руки. — Император приказал нам уйти! Вы же знаете, что бывает с теми, кто слушается Солнце Империи! Наш Император он вошел к этой ведьме О Даын один.

— Идиоты! — прошипел тучный начальник, вытирая пот со лба. — Если он убьет ее до официальной утренней казни, нам всем отрубят головы за то, что недоглядели! Верховный Жрец требует зрелища, народ жаждет крови семьи О!

Я прикрыла глаза, анализируя ситуацию. Трое вооруженных мужчин. Магии у меня почти не осталось — те крохи светлой маны, что были у О Даын, я потратила на точечный массаж Инхёка. Силой мне не пройти. Значит, в ход пойдет дипломатия и коррупция.

Я нащупала в потайном кармане платья кольцо. Тяжелое золото, крупный рубин огранки «капля крови», привезенный из южных пустынь. На эти деньги можно было купить небольшое поместье или жить безбедно несколько десятков лет. Жадность — порок интернациональный и вневременной.

Сделав глубокий вдох, я разгладила грязный подол платья, вскинула подбородок, принимая высокомерное выражение лица, которым славилась оригинальная О Даын, и вышла на свет.

— Какое трогательное беспокойство о моей судьбе, начальник Ким, — мой голос прозвучал холодно, властно и звонко, разрезая затхлый воздух.

Трое мужчин подпрыгнули на месте. Увидев меня — живую, без конвоя и без Императора, они побледнели так, словно перед ними предстал мстительный дух. Стражники инстинктивно схватились за рукояти мечей, но их руки дрожали.

— Л-леди Даын?! — выдохнул начальник Ким, смотря на меня огромными глазами. — Как вы Где Его Величество?!

— Его Величество изволит отдыхать. Я оказалась весьма полезной собеседницей, — я позволила легкой, многозначительной полуулыбке коснуться моих губ. Пусть их грязные умы додумывают что угодно. Главное — посеять сомнение. — Он решил даровать мне жизнь. Но тайно. Чтобы не расстраивать Верховного Жреца.

— Ложь! — взвизгнул один из стражников. — Император пришел убить вас!

Я сделала плавный шаг вперед. Ни капли страха. Я — дочь Гук-Гона, даже в лохмотьях я должна выглядеть, как Императрица.

— Если это ложь, то почему моя голова все еще на плечах? И почему Император остался в камере, позволив мне уйти? — я выдержала многозначительную паузу. Мужчины переглянулись, в их глазах заплескала паника. Логика в моих словах была железной для их ограниченных умов. Никто не мог пережить гнев Инхёка. Если я жива, значит, он так захотел.

— Чего вы хотите? — хрипло спросил начальник тюрьмы, делая шаг назад.

— Свободы, прямо сейчас. Вы откроете мне боковой выход к каналам, — я подняла руку, и в тусклом свете факелов рубин на моем пальце вспыхнул кровавым огнем. Я видела, как расширились зрачки начальника Кима. Жадность победила страх.

Я сняла кольцо и положила его на край каменного стола. Золото глухо звякнуло.

— Это камень слезы огненного дракона. Его стоимость вам известна. Завтра утром, когда обнаружится мое исчезновение, вы скажете, что я использовала скрытый артефакт телепортации, который вы не смогли распознать. Вы поднимете тревогу, изобразите усердие. Никто не заподозрит вас в сговоре с приговоренной к смерти. А если Император спросит — я усмехнусь, — он поймет.

Начальник Ким смотрел на кольцо так, словно оно могло его укусить, но его пухлая рука уже тянулась к сокровищу. Мужчина сглотнул.

— Боковой ход охраняют двое слепых стариков. Я дам вам плащ, — пробормотал начальник Ким, пряча кольцо за пазуху. — Уходите, леди О. И молитесь богам, чтобы Его Величество действительно даровал вам жизнь. Потому что если он передумает Его Величество найдет вас даже на дне океана.

Я не стала отвечать. Накинув грубый шерстяной плащ стражника, который пах псиной и дешевым элем, я надвинула капюшон на самые глаза.

Через десять минут холодный ночной ветер ударил мне в лицо. Я стояла на узкой каменной набережной, вдоль которой текли мутные воды столичного канала. Дворец, огромный, подавляющий, оцетинившийся шпильями башен, остался позади, возвышаясь на холме подобно спящему черному дракону.

Я была свободна.

Втянув носом морозный воздух, я быстрым шагом направилась прочь от императорского квартала. Столица Империи, город Хвасон, даже ночью не спала полностью. В районе красных фонарей играла музыка струнных гаягымов, пахло жареным мясом и специями. Я обходила освещенные улицы, держась в тених переулков. Мне нужно было добраться до торговых ворот до рассвета. С первыми лучами солнца туда придут караваны торговцев из провинций, поставляющие овощи и ткани. Затеряться среди них — мой единственный шанс покинуть город до того, как Инхёк проснется и поймет, что его «лекарство» сбежало.

Моя новая жизнь началась. Жизнь, в которой нет места тиранам, эшафотам и дворцовым интригам. Только свобода, сбор целебных трав на горных склонах и звон золотых монет в собственном кошельке.

По крайней мере, так я думала.

Глава 3

POV Со Инхёк

Впервые за десять лет в моей голове была долгожданная пустота. Я не слышал ни шепота проклятых душ. И никакого ощущения раскаленных гвоздей, вбиваемых в череп. Больше не было пульсирующей агонии, из-за которой я был готов вырвать собственные глаза, лишь бы все это поскорее прекратилось.

Я открыл глаза.

Свет факела причинил боль зрачкам. Я понял, что лежу на чем-то жестком и грязном. Повсюду были камни, сырость и запах разложения.

Мое сознание на удивление было ясным, таким, каким оно не было со времен моей юности, до того, как проклятая ведьма наложила на меня свою порчу. Тело казалось невероятно легким, казалось, что с моих плеч сняли целую гору. Я сел, грациозно и беззвучно, как дикий кот.

Взгляд сфокусировался на погнутой железной решетке камеры, на кучке осыпавшихся камней, и на пустой соломе внутри.

Я замер. Дыхание на мгновение остановилось.

Память обрушилась на меня лавиной. Подземелье, приговоренная к смерти дочь Гук-Гона О. Мой приступ и ослепляющая боль, готовая разорвать меня на куски. А затем прикосновение.

Я помнил эти холодные, изящные, дрожащие, но такие уверенные руки. Я помнил странный, гипнотический ритм давления на мою шею и виски. И эту ману. Чистую, освежающую, как вода из горного источника, омывающую мои отравленные темной магией каналы. Девушка не сражалась с моим проклятием, как это делали тупоголовые архимаги, она успокаивала его, растворяя боль в небытие.

Она исцелила меня. О Даын, женщина, которую я презирал. Женщина, которая изводила мою драгоценную святую Юри, женщину, которую я клялся защищать. Злодейка с черным сердцем, оказавшаяся обладательницей самой светлой и уникальной маны, которую я когда-либо встречал.

Я медленно поднялся на ноги и стряхнул грязную солому со своего императорского шелка.

Подошел к камере. Внутри все еще витал едва уловимый, странный аромат. Не тяжелые цветочные духи, которыми обычно обливались аристократки, а что-то свежее, напоминающее запах растертых в пальцах листьев мяты и древесной коры.

Она ушла.

Сбежала, пока я был без сознания. Воспользовалась моей слабостью. Оставила меня одного в этой грязи, подарив мне первый сон за десятилетие, словно я был жалким нищим, которому кинули объедки со стола.

В груди начало зарождаться незнакомое, темное чувство. Это был не гнев. Точнее, не только он. Это была паника.

А что, если боль вернется?

Мысль ударила под дых. Я прожил с этой болью половину жизни, я привык к ней. Но теперь, познав покой и эту абсолютную, блаженную тишину в голове я не смогу вернуться во тьму. Я не выживу. Мне снова нужны эти руки. Мне нужна ее мана. Мне нужна она.

— СТРАЖА!!! — мой рык сотряс каменные своды подземелья с такой силой, что с потолка посыпалась пыль.

Эхо моего голоса еще звучало по коридорам, когда послышался суматошный топот десятков сапог. В проходе появились стражники дворцовой гвардии, а за ними — бледный, трясу-

щийся начальник тюрьмы Ким. Увидев меня, стоящего перед пустой разбитой камерой, они рухнули на колени, вжимаясь лбами в грязный пол.

— В-ваше Императорское Величество! — заикаясь, проскулил Ким, не смея поднять взгляд. — М-мы услышали шум

— Где она? — мой голос был тихим, настолько тихим, что стражники задрожали сильнее. Я шагнул к начальнику тюрьмы. Моя аура, еще недавно успокоенная этой ничтожной девчонкой, теперь взвилась черным пламенем, наполняя коридор удушающим давлением.

— К-кто, Ваше Величество? Преступница? — Ким судорожно сглотнул. — Мы мы не знаем! Мы не смели беспокоить вас! Должно быть, она использовала скрытый артефакт телепортации, чтобы

Я не стал дослушивать этот жалкий лепет.

Моя рука метнулась вперед, пальцы сомкнулись на толстой шее начальника тюрьмы. Я оторвал его от земли одной рукой. Мужчина захрипел, суча ногами в воздухе. Из-за пазухи его одежды со звоном вывалилось тяжелое золотое кольцо с крупным рубином и покатилося по камням, остановившись прямо у моих сапог.

Кольцо с гербом семьи О.

— Артефакт телепортации, говоришь? — мягко, с пугающей нежностью спросил я, глядя в выпученные от удушья глаза Кима. — Какая дешевая ложь, девчонка купила твою никчемную жизнь за эту безделушку. Ты продал то, что принадлежит мне.

Я сжал пальцы и хруст сломанных позвонков прозвучал слишком громко в наступившей тишине. Бездыханное тело начальника тюрьмы рухнуло на пол.

Ни один из стражников не посмел даже пискнуть, они продолжали стоять на коленях, вжимаясь в камень.

Я медленно наклонился и поднял кольцо, золото все еще хранило слабое тепло. Я зажал его в кулаке так сильно, что грани рубина впились в кожу.

Она посмела обмануть меня. Посмела сбежать, дав мне попробовать свою вкусную, исцеляющую ману. Девчушка думает, что сможет спрятаться от Императора? От человека, который контролирует каждый дюйм этой земли?

— Командира Теневых Стражей, ко мне, немедленно, — произнес я, чеканя каждое слово.

Спустя минуту из теней коридора беззвучно соткалась фигура в черных доспехах, опускаясь на одно колено.

— Слушаю, Ваше Величество.

— Перекройте все ворота столицы и закройте порты. Поднять по тревоге гарнизоны во всех провинциях, вплоть до самых глухих деревень, — я смотрел на рубин в своей руке, и мои губы искривились в холодной, хищной улыбке. — Ищите О Даын, прочешите каждый дом, каждый лес и каждую канаву. Переверните эту Империю вверх дном, но найдите ее.

— Будут ли инструкции по устранению, Ваше Величество? — бесстрастно спросил теневой страж.

— Нет, — я сжал кулак, пряча кольцо. В груди билось сумасшедшее, одержимое предвкушение. Боль ушла, но на ее место пришел новый, всепоглощающий голод. — Привести ее ко мне, живой и невредимой. Если с ее головы упадет хоть один волосок, я вырежу весь ваш отряд. Она моя. Только моя.

Девчушка сбежала от смерти на эшафоте, но она не знала, что теперь на нее открыл охоту монстр, который никогда не отпускает свою добычу.

Г

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.